

Х Р О Н И К А

Совещание по методологии этногенетических исследований

Происходившее 29/X—3/XI 1951 г. совещание по методологии этногенетических исследований, в котором приняли участие четыре института АН СССР — языкознания, истории, истории материальной культуры и этнографии, — несомненно, должно было произвести на присутствовавших положительное впечатление.

Безусловно нельзя не признать большого значения этого совещания, как крупного шага по пути совместной разработки представителями различных исторических дисциплин сложных вопросов этногенеза. Однако вначале вполне прав был один из выступавших в прениях, который сказал, что при слушании докладов бросается в глаза, что представители различных исторических дисциплин как бы идут параллельно друг другу, перекликаясь друг с другом, но полной связи между ними нет. Причиной этого была слишком большая обобщенность тем. Отсюда — некоторая неясность в отношении ряда конкретных проблем. Эту разобщенность значительно ослабила дискуссия, усилившая взаимопонимание между представителями отдельных дисциплин, особенно между лингвистами и археологами.

Совещание было открыто вступительным словом акад. В. В. Виноградова. Он говорил об огромном значении гениального труда И. В. Сталина по вопросам языкознания. Сталинское определение сущности понятий «язык», «народ», «культура» создало плодотворную почву для объединенной работы советских лингвистов, археологов, этнографов и историков над вопросами происхождения и развития языков, народов и культур.

Подвергнув критике основные ошибки «нового учения» о языке Н. Я. Марра, В. В. Виноградов подчеркнул, что ошибочные, антимарксистские концепции Н. Я. Марра создали среди части лингвистов, археологов, этнографов и историков тенденцию к произвольному и антиисторическому накладыванию языковых кругов на археологические культуры и к отождествлению языков и культур. Между тем непрерывность развития материальной культуры на какой-либо территории никак не может служить доказательством непрерывности языковой традиции на той же территории. Различные соотношения языка и культуры обусловлены сложными конкретными историческими причинами, выяснение которых является задачей, которая может быть решена только совместными усилиями историков культуры, лингвистов и этнографов.

Отметив огромное научное и общественное значение исследования таких вопросов, как происхождение славян и русского народа, В. В. Виноградов подчеркнул необходимость учитывать данные языкознания при решении этногенетических проблем. «Трудно рассчитывать, — сказал он, — что за несколько дней мы придем к единодушному решению всех спорных вопросов. Но обмен мнениями, определение, систематизация разногласий и противоречий будут способствовать выявлению научной истины и приближению к ней».

Выступавший вслед затем с докладом чл.-корр. АН СССР А. Д. Удаляпов подверг критике ошибочные положения Н. Я. Марра и вызвавшие ими вредные последствия в работах части археологов, в частности, в области этногенеза. Он указал, что археология, изучающая памятники прошлых культур, не в состоянии заключать на их основании о развитии языка — основного признака принад-

лежности к той или иной этнической общности. Поэтому необходимо в свете указаний И. В. Сталина установить границы археологических исследований в области этногенеза, так как и языкознание не может разрешить этих проблем вне связи с археологическими, историческими и этнографическими исследованиями.

При отсутствии письменных данных археология дает материал для суждения, какую стадию развития переживает общество; она устанавливает смену археологических культур на определенной территории и может характеризовать древнюю этническую группу по особенностям быта, одежды, жилища, утвари, орудий труда, по орнаменту, погребальным обрядам и т. д. Археология выясняет территориальные изменения в жизни народов, характер и направление движения населения. Особенно большое значение имеет, по мнению докладчика, так называемый ретроспективный метод, ведущий исследование от периодов, известных на основании письменных источников, к более далекому прошлому. Проследив генетическую преемственность развития в области материальной культуры, можно заключить о непрерывности развития данного народа.

Приведя примеры таких исследований и подвергнув критике ошибочные заключения, делавшиеся археологами, которые разделяли концепции Н. Я. Марра, А. Д. Удальцов выразил уверенность, что гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания помогут археологам выполнить стоящие перед ними задачи.

В докладе С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова «Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания» была предложена следующая схема.

На грани перехода от ранней к поздней поре палеолита древние стадные коллективы разделяются на экзогамные группы, составившие основу дуальной организации. Расселение мелкими группами способствовало хозяйственной, языковой и культурной обособленности этих родовых коллективов. Но связанное с экзогамией общение соседних родовых групп уже в древности приводило к языковым скрещениям и ассимиляции языков мелких групп.

В мезолите складываются племенные языковые и культурные общности в процессе разрастания и объединения отдельных родов. При этом некоторые родовые группы теряли свою языковую и культурно-бытовую специфичность, включаясь в систему племенной организации. На последних этапах племенного строя складываются союзы племен, включавшие в свой состав также иноэтнические группы.

При переходе к классовому обществу складываются народности, которые, в отличие от племен, организованы уже по экономическо-политическим признакам. В рабовладельческую эпоху такие общества занимали ограниченную ойкумену, и наряду с ними продолжали существовать племена и племенные союзы. Поэтому рабовладельческие государства нередко представляли собою конгломерат племен и народностей и включали в себя разноязычные группы.

Изложив затем взгляды на сущность народности при феодальном строе, наций буржуазных и наций социалистических, докладчики утверждают, что понятие «этнос» может иметь смысл только как общее понятие для всех типов этнических общностей с древности до наших дней: вне родов, племен, народностей и наций не существует никаких других этносов, и потому нельзя говорить, например, о каком-то германском этносе от Арминия до Гитлера.

При изучении этногенеза народов этнография применяет сравнительно-исторический метод, аналогичный таковому же в языкознании. Устанавливаемые при этом соответствия не могут, однако, включать в себя явления, возникающие в силу общесторических закономерностей, как, например, мотыжное земледелие, наличие керамики и т. п. Должны приниматься во внимание только явления специфического типа, как, например, саянский или тунгузский типы выючно-верхового оленеводства. Необходимо учитывать при этом историко-географический фактор, при котором эти типы складывались. Значительную помощь при таких исследованиях оказывает разработанное советскими этнографами понятие хозяйственно-культурных типов, которые являются выражением специфических особенностей исторического развития в различных

природных условиях; для каждого такого типа характерна своя материальная культура. Эти хозяйственно-культурные типы могут быть едиными для племен, говорящих на разных языках. Однако изучение конкретной истории этих типов дает возможность выделить крупные историко-географические области, населенные народами одного происхождения. Такие области в отличие от хозяйственно-культурных областей всегда представляют географическое единство. Очевидно, что изучение процесса складывания этих историко-этнографических областей является изучением истории формирования народов, населяющих эти области.

Но язык и культура не совпадают. Поэтому большое значение приобретают проблемы соотношения между историко-этнографическими областями и группами народов, говорящих на родственных языках. Как правило, границы тех и других не совпадают. И, наконец, существенную роль в этногенетических исследованиях играет сопоставление этнографических и археологических материалов, относящихся к одним и тем же или смежным территориям. Это позволяет решать вопросы о преемственности населения разных эпох, о наличии миграций и т. д.

Докладчики иллюстрировали свои положения конкретными примерами. Так, древность культурного сходства всех славянских народов, несмотря на своеобразие каждого из них (сходство в сельскохозяйственной технике, средствах передвижения, жилищах, утвари, пище, костюме и т. д.), позволяет объяснять это только тесной связью между всеми славянскими народами в процессе их формирования и в происхождении от одной этнической общности, эпоху которой, впрочем, этнограф определить не может.

С докладом о значении антропологических материалов, как источника изучения вопросов этногонии, выступил от лица М. Г. Левина и М. А. Трофимовой третий соавтор — Г. Ф. Дебед. Говоря о влиянии концепций Н. Я. Марра на антропологов, он указал, что наибольший вред оказало учение Н. Я. Марра о стадильном процессе формирования языковых семей путем взрывов. Это заставляло антропологов преждевременно прекращать поиски реальных связей между отдельными этническими группами.

Использование антропологического материала при решении проблем этногенеза должно основываться на разработке соотношений антропологических типов с языковыми, культурными и этническими группировками. Но это до сих пор не было сделано. Что же касается зарубежных буржуазных историков, то некоторые из них отрицают даже всякую связь между антропологией и языкознанием. По мнению С. Рейнака «антропология ни под каким видом не должна содержать ни одного слова, касающегося лингвистики, и наоборот».

Выясненные антропологами явления расселения и смешения антропологических типов являются отражением определенных процессов расселения и смешения племен, народностей, наций. В этом отношении антропология может помочь разрешению проблем этногенеза. При этом роль антропологии возрастает по мере увеличения древности изучаемых этногенетических процессов. Примером может служить выяснение Е. В. Жировым монголоидной примеси на черепах из Оленьеостровского могильника. Это доказало участие сибирских племен в заселении севера европейской части СССР. Иногда антропологический материал получает даже решающее значение. Так, заселение Мадагаскара с материка Африки доказывается только на основании антропологических данных, тогда как ни по языку, ни по культуре этого доказать нельзя.

В докладе П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и Б. А. Серебряникова «О методе установления языкового родства» были изложены основные положения современного советского языкознания. Основной проблемой в области этногенеза докладчики считают проблему происхождения родственных языков. Решают в этом отношении, по мнению докладчиков, только лингвистические данные. Ввиду того, что данный язык может быть усвоен другим народом с другой материальной культурой, несовпадение этой материальной культуры при неоспоримом родстве языков «не должно смущать исследователя». Археологические и этнографиче-

ские данные считаются только вспомогательными, позволяющими «глубже осветить условия образования и развития языковых групп и отдельных языков, уточнить характер языкового субстрата при скрещивании языков, выяснить пути миграций тех или иных этнических групп в древности». Таким образом, историю происхождения народов докладчики свели, по существу, к истории происхождения тех языков, на которых эти народы говорят.

В докладе Б. В. Горнунга, В. Д. Левина и В. Н. Сидорова о проблеме образования и развития языковых семей много места было уделено критике ошибочных концепций Н. Я. Марра, изложению процесса разделения языка-основы на самостоятельные языки и апализу их дальнейших судеб в результате возможных миграций, обособления, вклинивания иноязычных языковых групп, появления государственных образований и т. д. Затем докладчики описали достижение сравнительно-исторического метода в языкознании, установившего генетическую общность ряда обширных языковых семей. Генетические связи между этими большими языковыми семьями пока еще неясны для науки, и потому нет оснований предполагать существование еще в большей древности общего языка, например, для индоевропейской и финно-угорской семей языков. Попытка последователей Н. Я. Марра найти эти связи на пути немарксистского учения о якобы единстве мирового глоттогонического процесса при помощи методов пресловутой марровской палеонтологии речи абсолютно ненаучна. Нельзя принять также выставленную С. П. Толстовым «теорию первобытной лингвистической непрерывности», так как наблюдаемые случаи такой непрерывности могут быть вторичным явлением.

В конце доклада было указано, что язык является главным, хотя и не единственным, признаком этнической общности. Но народ может сменить свой язык, быть ассимилированным в этом отношении другим народом. Поэтому прослеживаемая археологами преемственность в развитии материальной культуры еще не доказывает непрерывности языковой традиции на той же территории.

К докладом общего характера примыкает доклад Б. В. Горнунга о некоторых вопросах, связанных с образованием и развитием индоевропейской семьи языков. Докладчик изложил свою точку зрения на пределы возможных в данное время выводов в отношении индоевропейской семьи языков и гипотезу о ее происхождении, дав попутно критику различных других гипотез по данному вопросу. Отвергая агностицизм А. Мейе, Б. В. Горнунг считает, что не следует отказываться от попыток создать приближенное представление о том, каковой была структура языка, который советские языковеды считают языком-основой индоевропейской семьи языков. Время существования этого языка нельзя, по его мнению, относить к очень большой древности. Только при начетническом толковании слов И. В. Сталина о том, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства», можно возводить образование индоевропейской общности к палеолиту, игнорируя огромный разрыв в культурном развитии человечества между палеолитом и неолитом.

Несомненно, что, как и другие языковые семьи, индоевропейская семья языков сложилась не на голом месте и, конечно, восприняла от предшествовавшего языкового развития определенные элементы языковой структуры. Но линии эволюционных связей должны были настолько запутаться при огромных массовых миграциях, что следы былых языковых общностей могли сохраниться только в виде неясных следов. Только дилетанты могут делать по таким следам выводы о языковом родстве. «Надо раз навсегда отказаться от попыток создания концепций единого мирового языкового развития» сказал докладчик. Об индоевропейской языковой общности можно говорить только с момента, когда она уже не была изначальной. Где бы она ни сложилась, есть основания говорить, что к северо-востоку от нее находилась область формирования финно-угорских языков, к югу — семитских и кавказо-малоазийских. Связи культурного взаимодействия между ними — совершенно бесспорны, но постановка генетических проблем, повидимому, исключается.

Индоевропейский язык-основу нельзя считать языком народности. Скорее это —

ряд территориально соприкасавшихся племенных диалектов, настолько близких друг другу, что могло происходить даже полное слияние некоторых племенных групп. Можно полагать, что эти племенные языки восходят к одному основному племенному языку. Но данные сравнительной грамматики показывают, что вернее будет предполагать выделение группы родственных племенных языков из предшествовавшей языковой общности.

Социальной организацией носителей первоначальной индоевропейской языковой общности был союз, охватывавший часть родственных по происхождению племен и, возможно, некоторые племена, не родственные основному ядру, но с самого начала усвоившие язык господствующей части племенного союза.

Вся совокупность данных лингвистики, археологии и антропологии позволяет отбросить гипотезу о локализации первоначальной индоевропейской общности на севере центральной Европы. Языковые данные (лексика, основной словарный фонд и внутри последнего его корневые части) указывают в этом отношении на какую-то замкнутую область в лесостепной полосе средней и восточной Европы с продолжением этой полосы в Азии. Индоевропейская языковая общность могла возникнуть в части этой полосы и потом распространиться от Казахстана до Дуная; часть населения могла сдвинуться по этой полосе с востока на запад или с запада на восток. Складывалась эта общность в эпоху выделения пастушеских племен с равными формами патриархального строя из массы примитивно земледельческих племен с матриархальным родовым строем. Время — конец неолита, энеолит или самое начало бронзового века.

*

Вышеизложенные доклады общего характера вызвали со стороны некоторых из выступавших в прениях упрек в излишней абстрактности. Были также возражения и по некоторым частным проблемам. Так, А. А. Фрейман, касаясь выставленного в докладе П. С. Кузнецова, А. А. Реформатского и Б. А. Серебряникова положения, что народ, изменив свой язык, вливается в состав народа — носителя победившего языка, протестовал против универсальной второй части этого утверждения и указал, что галлы, воспринявшие язык римлян, тем не менее не стали римлянами. Многими из выступавших указывалось, что этническая проблема включает в себя не только язык, но и ряд других проявлений этноса. Так, А. Н. Бернштам указал, что при изучении, например, происхождения казахского народа мало пользы принесет изучение только одной истории его языка: для нас не безразличны те племена и народы, которые жили здесь ранее и были ассимилированы тюрко-казахским языком. Наибольшие возражения встретило утверждение лингвистов о невозможности разрешения проблемы этногенеза в более древнее время, чем время сложения языка-основы. Характерно, отметил А. Н. Бернштам, — что в лингвистических докладах даже не фигурировал термин «родовые языки». С возражением против датирования Б. В. Горнунгом индоевропейской языковой общности III тысячелетием до н. э. выступил А. В. Арциховский. Отметив, что повсюду в Европе, Средней Азии и Сибири археология установила твердые даты для ряда культур III тысячелетия до н. э., А. В. Арциховский считает, что датировку Б. В. Горнунга придется сильно повысить.

*

Доклад П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян» был построен на так называемом ретроспективном методе. Исходя из исторически известного размещения славянских племен, П. Н. Третьяков проследил вглубь археологические памятники, связанные единством форм вещей, типа жилищ, обряда погребений. Результатом этого явились три демонстрируемые на совещании карты, показывающие размещение славяноязычных племен в I тысячелетии н. э. и в I и II тысячелетиях до н. э.

На первой из них было показано размещение восточнославянских племен. Мы видим здесь славян новгородских в бассейне Ильменя, Мсты и Мологи; наиболее характерной особенностью их культуры являются погребальные сопки IX—X вв., содержащие остатки многих трупосожжений. В верховьях Днепра, Двины и Волги и отчасти около Псковского и Чудского озер находятся своеобразные длинные курганы кривичей, датирующиеся временем с III в. до второй половины I-го тысячелетия, постепенно сменяющиеся круглыми курганами с трупосожжениями. В верховьях Оки находятся памятники вятичей: жилые полуземлянки и погребальные сооружения в виде такой же миниатюрной полуземлянки под курганом (III—IV вв. до IX—X вв.). Южнее, в группе городищ роменского типа, можно видеть памятники северян, для которых характерны тоже полуземлянки, но со стенами, не обложенными бревнами, как у вятичей, а обмазанными глиной; в обряде погребений обычны могильники с трупосожжениями; дата известных пока памятников — VII—IX вв. По обоим берегам Днепра вокруг Киева можно выделить памятники полян середины и второй половины I тысячелетия н. э. Предположительно можно наметить памятники уличей на днепровской луке. Слабо намечается дреговичская группа на Днепре и Припяти оставившая могильники с трупосожжениями первой половины тысячелетия. Хронологические рамки всех этих находок охватывают приблизительно время с начала 1-го тысячелетия до VIII—IX вв.

Итак, летописные племена ведут свою историю не с VI—VII вв., как предполагали ранее, а с более раннего времени. Тот факт, что на юге славянские памятники восходят к I—II, а на севере — к III—IV вв., не может служить доказательством, что север был заселен в процессе продвижения славян с юга, так как археологические культуры северных славянских племен не могут быть выведены из южных славянских культур. Южные племена уже в начале нашей эры знали ремесла, а родовой строй у них быстро распадался. У северных племен полностью сохранялся родовой строй, а ремесла еще не были развиты. Различны были также обряды погребений, система поселений, жилища. Так как нельзя представить, чтобы южные племена, переселившись на север, как бы вновь варваризировались, надо считать славян на восточноевропейской равнине автохтонными.

Это положение подтверждается второй картой, носящей, впрочем, гипотетический характер. На ней показано расселение славян в I тысячелетии до н. э. В области среднего Поднепровья и на Днестре мы находим культуру полей погребений, носители которых являлись предками тиверцев, полян, уличей и отчасти древлян и северян. Культуре полей погребений близка пшеворская культура Повисленья, которой предшествовала лужицкая культура. Севернее и восточнее мы находим ряд городищ, отличающихся друг от друга, которые можно приписать неславяноязычным племенам. Таким образом, и в первом тысячелетии до н. э. славянство повсюду имело своих местных предков. Они составляли три основные группы: лужицкую, днестровско-среднеднепровскую и верхнеднепровскую.

Чтобы понять, как появились славяне на Одере и Висле, на Припяти и Десне и в верховьях Днестра и Буга, надо обратиться к третьей карте. Если вторую карту надо считать гипотетической, то третья карта должна быть принята как рабочая гипотеза. На этой карте мы находим на севере массив охотническо-рыболовческих племен с ямочно-гребенчатой керамикой, — вероятно, финно-угорские племена. На юге находятся три группы скотоводческо-земледельческих племен — степная, дунайская и центральноевропейская с так называемой шнуровой керамикой. Группа эта не составляла, однако, единства в этническом отношении. В этой группе особое место занимают племена, жившие по Висле и Одере, в верховьях Днепра и по среднему Днепру. У этих племен замечается значительное единство материальной культуры. Во II тысячелетии эти племена проникли также в Прибалтику и на верхнюю Волгу (Фатьяновская культура), но и там и тут они растворились в местной охотническо-рыболовческой среде. Имеются данные, что на верхнем Днепре бронзовый век сложился на основе более древней культуры тех же племен, и надо думать, что здесь эти племена сами оттеснили или уничтожили местное население. Мы можем предполагать, что древнейшие предки сла-

вян скрываются в среде этих скотоводческих племен II тысячелетия до н. э., но их надо еще разыскать.

Доклад П. Н. Третьякова вызвал некоторые возражения. В. Н. Сидоров соглашается, что первая карта является документом, но замечает, что документы можно интерпретировать различно. В объяснении докладчика остается ряд неясностей. Из чего возникли независимо друг от друга северная и южная группа славян? Неясно выделение славян из группы племен шнуровой керамики и их отношение к племенам, говорившим на балтийских языках. Где было место восточных славян? Кроме того, П. Н. Третьяков считает, что в середине I тысячелетия до н. э. начинается консолидация славян, а слависты считают, что в это время происходило расхождение славянских языков.

С возражениями докладчику выступил также А. И. Попов, указавший, что на второй карте славяне занимают столь большое пространство, что не могли бы сохранить тесного единства. Странно, говорит он, что Днепр носит скифо-сарматское имя, если славяне находились здесь еще во II тысячелетии до н. э. Если славяне расселились так далеко по Днепру и Верхней Волге и фатьяновцы принадлежали к той же группе по языку, то почему же в языках местных племен не оказалось славянских вкраплений? Ведь в финно-угорских языках есть балтийские и более поздние германские вкрапления, но нет древнеславянских.

В. И. Лыткин также отметил, что, если бы славяне проникли на Верхнюю Волгу, то надо бы было ждать заимствований из славянского языка в языках марийском и удмуртском; однако этого нет.

В докладе А. Н. Насонова вкратце была изложена его концепция по вопросу образования древнерусского государства, опубликованная в его труде «Русская земля и образование территории древнерусского государства».

П. И. Кушнер в докладе на тему «К вопросу об этногенезе литовцев» после обширного историографического введения отметил, что процесс сложения современных языков и основных этнических особенностей народов юго-восточной Прибалтики приходится на начало II тысячелетия до н. э. Отметив, что литовцы и латыши являются потомками древних балтов, и указав на этнические и культурные балто-славянские связи, докладчик остановился на признаках существования древнейших культурных, а может быть, и генетических связей балтийских народов с населением Северного Причерноморья. К этим признакам, по его мнению, относятся находки эпохи бронзы, употребление кумса у пруссов до XIV в., ношение литовскими девушками цветка руты, который растет только в придунайских долинах, упоминание в латышских народных песнях о руте, название реки Дуная в литовском и латышском фольклоре.

Б. В. Горнунг указал в выступлении по поводу этого доклада, что в нем говорилось не столько о происхождении литовцев, сколько о происхождении балтийских народов: а это — разные вопросы, которые не надо смешивать. Приведенные П. И. Кушнером данные не имеют, конечно, решающего значения, но интересны и полезны. Однако в разрешении данного вопроса надо идти другим путем: надо взять всю сумму данных, которые установлены балтийским, славянским и, шире, индоевропейским сравнительным языкознанием, между тем как П. И. Кушнер даже не упомянул о том, что балтийские народы говорят на языках индоевропейской семьи.

Первая половина доклада В. Ф. Миллера «К вопросу о классификации иранских языков» была посвящена вопросу о происхождении ираноязычных народов. Распространение этой языковой группы на огромном пространстве от Дуная (в древности) до Индии могло произойти только в результате доисторических и исторических передвижений большого ираноязычного коллектива, подчинившего и ассимилировавшего ряд инопозычных народов.

Большие расхождения между отдельными современными иранскими языками создают большие трудности для выявления иранского языка-основы. Несомненно, что иранские языки составляли в древности некоторое единство с языками Индии. Иранский язык-основа, насколько можно установить, был не только совокупностью фонетических, грамматических и лексических восстанавливаемых соответствий, а реаль-

ным языком определенного коллектива, языком флективного типа, с богато развитым грамматическим строем и лексикой. Создать такой язык мог только коллектив, объединивший много племен, при благоприятных условиях перехода, предположительно, к оседлому образу жизни. Он сложился в культурных областях Средней Азии, вероятно, в области древнего Хорезма. Дальнейшее распространение ираноязычных народов шло с востока на запад и на юго-запад. Наиболее древний поток шел в обход Каспийского моря с севера (скифы, сарматы). Отсюда — ирано-финские и ирано-венгерские лексические связи, а также ирано-балто-славянские.

А. Я. Брюсов в докладе «Заселение севера европейской части СССР в неолитическую эпоху» говорил, что за последнее время гипотезы зарубежных буржуазных археологов были доведены в этом вопросе до предела нелепости. Таково, например, распространенное утверждение, что верхнепалеолитическая культура Франции продвинулась в мезолите до южной Прибалтики, в неолите — до Урала, а затем, двигаясь постепенно на восток, достигла в XVIII в. н. э. берегов Тихого океана.

Изучение соответствующих археологических коллекций позволяет утверждать иное. Параллели типам костяных орудий древнейших стоянок Прибалтики (Кунда, Пярну) оказываются не на западе, а на востоке (стоянки Ягорбская, Погостищенская, Веретье в Вологодской области и находки на Шигирском торфянике в Зауралье). Изучение вещей с этих стоянок позволяет утверждать, что древнейшие стоянки Среднего Зауралья, вероятно, древнее стоянок Кунда и Пярну и им подобных. Многие вещи из Шигирского торфяника, несомненно, древнее стоянок на соседнем Горбуновском торфянике, на котором одна из стоянок датируется началом III тысячелетия. Некоторые вещи на Шигирском торфянике можно датировать временем не позднее V тысячелетия. Культурно-историческая связь стоянок, вытянутых узкой полосой от Урала до Прибалтики, устанавливается и по дальнейшему их единообразному развитию. Эти факты позволяют, по мнению докладчика, предполагать, что север европейской части СССР был заселен в мезолите с востока, из области Среднего Зауралья.

О длительности процесса заселения севера и о долгой разобщенности расселившихся групп можно судить по последующему расхождению (в неолите) северных археологических культур, несомненно, в силу изоляции разбросанных на больших расстояниях племенных групп.

В III—II тысячелетиях относительное перенаселение в волго-окском районе повело к усиленной сегментации окских племен с расселением их на север. Об этом можно судить по распространению на севере характерной для волго-окского междуречья керамики этого времени.

Новое более интенсивное расселение перекрыло значительную часть той северной полосы, которая была заселена ранее, за исключением Прибалтики. В итоге был заселен весь север, кроме Кольского полуострова и Большеземельской тундры.

Такова общая схема заселения севера европейской части СССР. Поскольку же в некоторых частях этой территории развитие поздненеолитических культур показывает непрерывную преемственность вплоть до культур, которые могут быть приписаны финноязычным племенам, то вероятно, что неолитические культуры с ямочно-зубчатой керамикой принадлежат в основном предкам финноязычных племен.

Выступивший по этому докладу Б. А. Серебрянников указал на наличие в северной топонимике очень большого количества названий с окончанием на «-ма», «-га», «-кша (-ша)». Такого рода названия охватывают все волго-окское междуречье, территории Марийской, Чувашской, Удмуртской и части Татарской республики и весь север. Топонимика севера и средней полосы говорит о том, что древнее население этой территории в какой-то исторический период было относительно однородным и не отличалось подвижностью. Одинаковые названия рек и населенных пунктов свидетельствуют о колонизации, вероятно, из южных и западных районов.

Общность топонимики севера, верхнего Поволжья и волго-окского междуречья свидетельствует, что население этих мест говорило на близких друг другу языках или даже диалектах. Эта топонимика не расшифровывается из финно-угорских языков.

Наличие общности топонимики подтверждает гипотезу А. Я. Брюсова о генети-

ческом родстве населения Севера и волго-окского междуречья. Мы можем здесь в какой-то мере сочетать выводы археологии с результатами исследования топонимики.

В докладе «К вопросу о происхождении угро-финской языковой группы» Н. Я. Чебоксаров подчеркнул, что, только исходя из языкового родства между угро-финскими народами, можно ставить вопрос об их происхождении.

Докладчик, соглашаясь с положениями А. Я. Брюсова, отметил, что монголоиды, несомненно, продвинулись на север европейской части СССР из-за Урала. Но возникает вопрос, где происходило смешение европеоидов с монголоидами. Находка штиргского черепа, о котором говорил А. Я. Брюсов, позволяет относить начало этого смешения за Урал. Но в Восточной Европе и Северо-Западной Сибири, наряду с этими монголоидными черепами, встречаются черепа европеоидные. Это наводит на мысль, что, кроме восточного пути, был путь заселения севера с юга. Среди угро-финских народов можно выделить три группы: уральский тип, характерный для многих угро-финских народов (ханты, манси, удмурты, отчасти коми, мари, мордва); эта группа тяготеет к востоку, к Алтаю; вторая группа — балтийская (эстонцы, вепсы, северные коми, частью мордва-эрзя); третья группа — черноморская, тяготеющая к югу; она встречается преимущественно на южной периферии расселения угро-финнов.

Сравнительно-этнографический анализ также обнаруживает большую культурную неоднородность финно-угорских народов. Но в хозяйстве всех их замечается огромная роль того хозяйственно-культурного типа, который этнографы называют типом охотников и рыболовов северной таежной полосы: приемы и снаряды рыбной ловли поразительно схожи у разных угро-финских народов, от хантов и манси до эстонцев и мадьяр; суммируя данные этнографии, можно думать, что все угро-финские народы связаны в прошлом с Западной Сибирью.

Выступавший почти на ту же тему, «К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы» В. Н. Чернецов говорил, что большинство гипотез по этому вопросу основано только на языковых данных. Поэтому многие гипотезы страдают большой искусственностью. Общие термины охотническо-рыболовческого уклада позволяют отнести время угро-финской общности к неолиту, но и только; на нижней Оби мы найдем оленеводство, определенную форму жилища и одежды, но выделить этим путем живущих здесь хантов, ненцев, селькупов мы не сможем. Но по деталям, орнаменту их одежды, форме ножей и т. д. мы сможем узнать представителей разных племен.

С этой точки зрения для археологов особенное значение получает керамика, обычно орнаментированная. Неолитические памятники Прикамья, Урала и Западной Сибири характеризуются общностью типа керамики с вариациями по областям: прикамская гребенчатая керамика, уральская гребенчато-струйчатая, западносибирская гребенчато-волнистая и т. д. Прикамский и западноприуральский археологический материал позволяет проследить непрерывную картину развития керамики на территории пермской группы языков.

Сходство камско-уральских и особенно западносибирских археологических памятников с памятниками кельтеминарской культуры Приаралья позволяет включить культуры Казахстана и Приаралья в уральскую культурно-этническую общность. Ранняя дата кельтеминарской культуры (IV тысячелетие) приводит к выводу, что именно Приаралье и южный Урал были местом формирования уральской этнической общности.

При своем движении на север уральские племена шли двумя потоками по обе стороны Уральского хребта, что и повело к разделению на угорские, к востоку от Урала, и финские, к западу от Урала, языки.

Палеолитические находки на Урале и в северном Прикамье сближаются с палеолитом Западной Сибири, что должно быть поставлено в связь с наличием монголоидного компонента в уральском антропологическом типе. Роль монголоидных племен оказалась сильнее всего на севере. Повидимому, финно-угорские племена в своем

движении на север постепенно захватывали древнее население севера и ассимилировали его.

В III тысячелетии протофинские племена расселились на запад, освоив бассейны Камы и Верхней Волги, вплоть до северо-западных районов Карелии. Во II тысячелетии до н. э. мы встречаем ранние угорские племена в лесостепных районах Западной Сибири, на территории расселения северного варианта андроновской культуры. В бронзовую эпоху угорские племена проникают в Приуралье и Прикамье, чем и обусловлено появление здесь резко выраженных монголоидов (Луговская стоянка).

В докладе Б. О. Долгих «О некоторых этногенетических процессах в Северной Азии» в основном излагались конкретные случаи скрещивания языков и движений народов, имевшие место в историческое время в Северной Азии. Большинство народов Северной Сибири находилось к приходу русских на разных ступенях развития патриархально-родового строя. С того времени, как народы Северной Сибири встретились с русскими, и до начала XX в. этнографическая картина Северной Сибири сильно изменилась. Докладчик описывает эти изменения, обращая внимание прежде всего на широкое расселение якутов и распространение якутского языка.

В докладе Л. И. Лаврова о вопросах происхождения народов северо-западного Кавказа подчеркивается, что предки абхазов, адыгейцев и кабардинцев уже с глубокой древности жили на северо-западном Кавказе. Это доказывается отсутствием серьезных данных о значительных переменах в этническом составе населения северо-западного Кавказа за последние 2500 лет. Археологами признается преемственность культуры на северо-западном Кавказе, начиная с раннеметаллической эпохи; об этом же свидетельствуют данные фольклора и сопоставление топонимики и этнонимики северо-западного Кавказа в античное и в наше время (Тапси-Туапсе, керкеты-черкесы и т. д.). Прослеживаемые древние связи северокавказских народов с югом, западом и северо-западом указывают не на переселения, а лишь на оживленные сношения с этими территориями в доскифское время. Связи с Крымом и южной Украиной могли иметь глубокие корни, так как есть основания считать, что некоторые народы северо-западного Кавказа можно выводить из восточной ветви киммерийских племен. Лингвистический анализ показывает, что в античное время большинство народов северо-западного Кавказа состояло в лингвистическом родстве, что заставляет предполагать существование более древнего языка-основы.

Докладчик на нескольких примерах показывает сложный путь длительного развития племен северо-западного Кавказа. В скифское время существовало много мелких племен, говоривших на разных языках, но еще до начала нашей эры начался процесс консолидации разноязычных племен (например, союз меотов).

Выступив по поводу этого доклада, Е. И. Крюков указал на убедительность приведенных докладчиком доказательств древности населения северо-западного Кавказа. Повидимому, до I тысячелетия до н. э. северный Кавказ был заселен племенами с доадыгейской речью. В XI—VIII вв. эта общность была нарушена вторжением киммеро-скифских, а затем сармато-аланских племен, что привело к переформлению местной культуры и образованию новых племен в центральной части Кавказа. Но в Прикубанье местные племена, хотя и вобрали некоторые скифо-сарматские элементы, однако вышли победителями из столкновения с пришлой культурой. Они и являются предками адыгов, черкесов, кабардинцев.

С. В. Киселев отметил большую плодотворность совещания, определившего конкретные пути совместной работы историков, археологов, лингвистов, этнографов и антропологов в направлении, указанном в гениальных трудах И. В. Сталина.

М. Г. Левин в заключительном слове подчеркнул, что крикливое заявление Н. Я. Марра о необходимости увязки данных языка с данными других исторических наук было только громкой фразой. Его утверждение, что «возникновение антропологических типов не требует вовсе единства происхождения», и постулат о том, что этногония и глоттогония есть мировой процесс, протекающий стадийно, сводили на-нет значение антропологии и этнографии в вопросах этногенеза. Только после осво-

бождения от тяжелого груза марровских концепций появилась возможность подлинно комплексного разрешения этих вопросов.

В начале совещания не раз поднимался вопрос об относительной ценности лингвистических, этнографических и антропологических материалов. Раздавались голоса, что последние могут иметь только вспомогательное значение. Сейчас можно с удовлетворением констатировать, что в результате обмена мнениями такие разногласия в основном сняты. Конечно, этнографические и антропологические материалы не могут ничего дать для решения вопросов о родстве языков. Эти материалы все-таки могут быть использованы для решения собственно лингвистических вопросов о путях и времени распространения языков. Проблема происхождения народов не может быть сведена только к вопросу о происхождении их языков. Выслушанные выступления этнографов и антропологов по вопросам о происхождении отдельных народов и их групп должны были убедить в справедливости этого положения. Разрешение проблем этногенеза возможно только путем комплексного исследования.

А. Д. Удалцов в заключительном слове подчеркнул достижение совещанием некоторого единства мнений, хотя бы по основным вопросам.

Б. А. Серебряников также отметил, что совещание имело большое значение для установления более тесного контакта, взаимопомощи и сотрудничества между лингвистами, историками, археологами, этнографами и антропологами. Взаимное недоверие и возведение в абсолют данных одной науки и игнорирование данных других наук в процессе обмена мнениями сменилось сознанием необходимости использовать различные данные при решении вопросов этногенеза. Остатки древних материальных культур, особенности антропологического типа, костюма и быта не могут помочь выяснению истории падежных и глагольных форм. Но без привлечения данных археологии, антропологии, истории и этнографии нельзя говорить о том, где первоначально возник народ, говорящий на интересующем нас языке.

Мы дали в этом обзоре описание далеко не всех прочитанных на совещании докладов, а тем более выступлений по этим докладом. Доклады по чисто лингвистическим вопросам и некоторые доклады по антропологии в этот обзор не были включены.

Высказанную в заключительных словах основных докладчиков оценку результатов совещания можно признать совершенно правильной. Несмотря на пестроту тематики докладов и некоторую случайность их подбора, совещание, несомненно, привело к установлению взаимопонимания в отношении роли различных исторических дисциплин при решении вопросов этногенеза.

Надо думать, что убеждение в необходимости и возможности решения вопросов о происхождении народов только путем комплексного изучения всех имеющихся данных послужит стимулом к практическому осуществлению этого соглашения. Первое совещание было посвящено установлению согласованности представителей различных исторических дисциплин по вопросам методологии этногенетических исследований и выяснению роли в этих исследованиях отдельных исторических дисциплин. Следует надеяться, что на втором таком совещании будут поставлены доклады на конкретные темы происхождения определенных народов, и притом основанные на том комплексном методе изучения этих вопросов, о котором говорилось на первом совещании.

А. Я. Брюсов